

Освобожденіе Скальда.

Скандинавская повѣсть.

Неизданная поэма Д. В. Веневитянова.

Эльморъ.

Сложи мечъ тяжелый. Безсильной ли длани
Владѣть симъ булатомъ, о мирный пѣвецъ!
Намъ слава въ бояхъ, намъ опасныя брани;
Тебѣ—сладкозвучнаго пѣнья вѣнецъ.

Эгилъ.

Прости, мнѣ, о сынъ скандинавскихъ царей!
Въ десницѣ пѣвца сей булатъ не безчестенъ.
Ты помни, что Рекнеръ былъ арфой извѣстенъ
И храбрымъ примѣръ среди бранныхъ полей.

Эльморъ.

Прости, юный Скальдъ, ты пѣвецъ вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгилъ, намъ вѣщать
О славѣ, лишь въ битвахъ тобой обрѣтенной,
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгилъ.

Эльморъ! иль забылъ, что, гордясь багряницей,
Царь Скальда обидѣлъ, и съ ближней денницей
Прискорбная мать его, въ горькихъ слезахъ,
Рыдала надъ хладною сына гробницей...

Такъ, съ твердостью духа, съ угрозой въ устахъ,
 Эгилъ отвѣчаетъ, — я, быстрой стопою,
 Безмолствуя, оба, съ киченьемъ въ сердцахъ,
 Сокрылись въ дубравѣхъ подь лиственной тьмою.
 Часъ цѣлый въ безмолвіи ночи густой
 Гремѣлъ мечъ о мечъ среди рощи глухой.
 Обрызганный кровью и весь изнуренный,
 Эгилъ! изъ дубравы ты вышелъ одинъ.
 О храбрый Эльморъ! тебя тщетно Арминъ,
 Въ чертогахъ семьей своей окруженный,
 На пиръ ждетъ вечерній подь кровлей родной.
 Тебѣ ужъ изъ чаши не пить круговой.
 Безъ жизни, безъ славы, твой трупъ искаженный
 Лежить средь дубравы на дернѣ сухомъ.
 Ты въ прахъ преклонился надменнымъ челомъ.
 Окрестъ все молчить какъ нѣмая могила,
 И смерть скандинавцу за Скальда отмстила.

Но утромъ, едва лишь межъ сизыхъ паровъ
 Холодная въ небѣ зардѣлась Аврора,
 Въ дремучей дубравѣ, при лаяньи псовъ,
 Узнали кровавое тѣло Эльмора.
 Узнавши Эльмора черты искаженны,
 Незапнымъ ударомъ Арминъ пораженный
 Не плачетъ, но грудь раздираетъ рукой.
 Межъ тѣмъ все возстало, во градѣ волненье,
 Всѣ ищутъ убійцы, всѣ требуютъ мщенья.
 — „Я знаю“, — воскликнулъ Арминъ: — „Ингисфаль
 „Всегдашнюю злобу къ Эльмору питалъ.
 „Спѣшите, спѣшите постигнуть злодѣя,
 „Стремитесь, о други, стремитесь быстрѣ,
 „Чѣмъ молнии зубчатый блескъ въ небесахъ.
 „Готовьте орудья ко смерти убійцы.
 „Можъ тѣмъ пусть врата непреступной темницы
 „По немъ загремятъ на чугунныхъ крюкахъ“.

И всѣ устремились. Эгилъ на брегахъ
 У моря скитался печальной стопою.
 Какъ туча, изъ коей огнистой стрѣлою
 Перунъ быстротечный блеснулъ въ небесахъ,
 На крыліяхъ черныхъ съ останками бури
 Плыветъ чугъ подвижна въ небесной лазури, —
 Такъ мраченъ Эгилъ и задумчивъ блуждалъ.

Какъ вдругъ передъ нимъ, окруженный толпою,
 Къ чертогамъ невинный идетъ Ингисфалъ.
 — „Эльморъ торжествуетъ, и месть надъ убійцей!“ —
 Такъ въ ярости цѣлый народъ повторялъ.
 Но Скальдъ, устремившись въ толпу, восклицалъ:
 — „Народъ! онъ невиненъ; моею десницею
 „Погибъ среди боя царевичъ молодой.
 „Но я не убійца, о Царь скандинавянъ!
 „Твой сынъ дерзновенный сразился со мной,
 „Онъ палъ и геройскою смертію славенъ“.

Трепеща отъ гнѣва, Арминъ повелѣлъ
 Въ темницу глубокую ввергнуть Эгила.
 Невинный свободенъ, смерть—скальда удѣлъ.
 Но скальда ни плѣнъ не страшить, ни могила,
 И тихо, безмолвствуя, мощный пѣвецъ
 Идетъ среди воплей свирѣпаго мщенья,
 Идетъ,—какъ бы ждалъ его славный вѣнецъ
 Наградой его сладковзвучнаго пѣнья.

— „О горе тебѣ!“—восклицалъ весь народъ:
 „О горе тебѣ! горе, скальдъ величавый.
 „Здѣсь барды не будутъ вѣщать твоей славы.
 „Какъ тѣнь, твоя память безъ шума пройдетъ,
 „И съ жизнію имя исчезнетъ злодѣя“.
 И, тяжело на веряхъ мѣдныхъ кружась,
 Темницы чугунная дверь заперлась,
 И скрытъ ея слился со свистомъ Борея.

И такъ онъ одинъ, безъ утѣхи; но нѣтъ, —
 Съ нимъ арфа, въ несчастіи подруга драгая.
 Эгилъ, среди мрака темницы бряцая,
 Послѣднею пѣснью Эльмора поетъ.
 „Счастливецъ! ты палъ среди родины милой,
 „Твой прахъ будетъ тлѣть подъ землею родной,
 „Во гробъ не сошла твоя память съ тобой,
 „И часто надъ хладной твоею могилой
 „Придетъ прослезиться отецъ твой унылой,
 „И другъ не забудетъ тебя посѣщать.
 „А я погибаю въ зарѣ моей жизни,
 „Вдали отъ родныхъ и отъ милой отчизны.
 „Сестра молодая и нѣжная мать
 „Не придутъ слезами мой гробъ орошать.

„Прощай, моя арфа, прошли наши пѣнья
 „И скальда молодого счастливые дни —
 „Какъ быстрыя волны промчались они.
 „И скоро, исполненъ ужаснаго мщенья,
 „Неистовый варваръ мой вѣкъ пресѣчетъ,
 „И злой скандинавецъ свирѣпой рукою
 „Созвучныя струны твои оборветъ.
 „Греми же, греми! разлучаясь съ тобою,
 „Да внемлю послѣдней я пѣсни твоей! —
 „Я жилъ и въ теченіи жизни своей
 „Тобою былъ счастливъ, тобою былъ славенъ“.

Но Барды, свершая обрядъ скаддинавянъ,
 Межъ тѣмъ начинали суровый напѣвъ
 И громко гремѣли средь дикаго хора:
 „Да гибнетъ, да гибнетъ убійца Эльмора“.
 Въ ихъ пламенныхъ взорахъ неистовый гнѣвъ,
 И всѣ, въ круговой соединившись руками,
 Эльмора нестройными пѣли хвалами
 И, трупъ обступивши, ходили кругомъ.

Уже средь обширнаго поля близъ лѣса
 Огромный и дикій обломокъ утеса
 Къ убійству пѣвца утвержденъ олтаремъ.
 Булатна сѣкира лежала на немъ,
 И возлѣ, ждавъ жертвы, стояли убійцы.
 И вдругъ, заскрыпѣвши, глубокой темницы
 Отверзались двери, стремится народъ.
 Увы! все готово ко смерти Эгила,
 Несчастному скальду отверста могила,
 Но скальдъ безъ боязни ко смерти идетъ.
 Ни вопли народа, княщаго мщеньемъ,
 Ни грозная сталь, ни олтарь, ни костеръ
 Пѣвца не колеблутъ, лишь онъ съ отвращеньемъ
 Внимаетъ, какъ Бардовъ неистовый хоръ
 Гремитъ, недостойнымъ Эльмора, хваленьемъ.
 — „О царь!“ — восклицалъ вдохновенный Эгиль:
 „Позволь, чтобъ, прощаясь съ міромъ и пѣньемъ,
 „Предъ смертью я пѣсни свои повторилъ
 „И тихо прославилъ на арфѣ согласной
 „Эльмора, котораго въ битвѣ несчастной
 „Сравилъ я, но такъ какъ героя сразилъ“.
 Онъ рекъ; но при имени сына, Эльмора,

Отъ ярости сердце царя потряслось.
 Возрѣвъ на Эгила съ свирѣпостью взора,
 Уже произнесъ онъ... Какъ вдругъ раздалось
 Унылое, нѣжное арфы звучанье.
 Арминъ при гармоніи струнъ онѣмѣлъ,
 Шумящей толпѣ онъ умолкнуть велѣлъ,
 И цѣлый народъ сталъ въ нѣмомъ ожиданьѣ.

Пѣвецъ наклонился на дикой утесъ,
 Взялъ вѣрную арфу, подругу въ печали,
 И персты его по струнамъ заиграли,
 И вѣтръ его пѣсню въ долину разнесъ.

„Гдѣ храбрый юноша, который
 „Враговъ отчизны отражалъ
 „И край отцовъ, родныя горы
 „Могучей мышцей защищалъ?
 „Эльморъ, никѣмъ непобѣжденный,
 „Ты палъ, тебя ужъ болѣ нѣтъ.
 „Ты палъ — какъ сильный волкъ падеть
 „Безсильнымъ пастыремъ сраженный.

„Гдѣ дни, когда къ войнѣ кровавой,
 „Герой, дружины ты водилъ,
 „И возвращался къ Эльвѣ съ славой,
 „И съ Эльвой счастье дѣлилъ?
 „Ахъ, скоро трепетной дѣвицѣ
 „Слезами матеръ возвѣститъ,
 „Что вѣрный другъ ея лежитъ
 „Въ сырой землѣ, въ нѣмой гробницѣ.

„Но сильныхъ чтятъ благіе боги,
 „И онъ на крыльяхъ облаковъ
 „Пренесся въ горніе чертоги,
 „Геройскихъ жительство духовъ.
 „А я вдоль тайстvenнаго берега,
 „Ночнымъ туманомъ окруженъ,
 „Всегда скитаться осужденъ
 „Надъ хладными волнами Лега ¹⁾).

¹⁾ Островъ *Лео* былъ, по мнѣнію Кледонцевъ, мѣстомъ пребыванія
 всѣхъ умершихъ, не воспѣтыхъ Барламя.

(Примѣчаніе Д. В. Веневитинова).

„О скальдъ, какой враждебный богъ,
 „Среди отчаяннаго боя,
 „Тебѣ невидимо помогъ
 „Сразить отважнаго героя?
 „И управлялъ рукой твоей?
 „Ты побѣдилъ судьбой жестокой.
 „Увы! отъ родины далеко
 „Могила будетъ твой трофей!

„Уже я вижу предъ собою,
 „Я вижу алчущую смерть,
 „Готову надъ моей главою
 „Ужасную косу простерть.
 „Уже желѣзною рукою
 „Она меня во гробъ влечетъ.
 „Прощай, прощай, красивый свѣтъ,
 „Навѣки расстаюсь съ тобою.

„А ты, игривый вѣтерокъ,
 „Лети къ возлюбленной отчизнѣ,
 „Скажи роднымъ, что лютый рокъ
 „Велѣлъ пѣвцу разстаться съ жизнью
 „Далеко отъ страны родной;
 „Но что предъ смертью, погибая,
 „Оцъ пѣлъ о нихъ воспоминая
 „И къ нимъ перелеталъ душой.

„Уже насталъ мой часъ послѣдній.
 „Приди, убійца, я готовъ.
 „Приди, рази, пусть трупъ мой блѣдный
 „Падетъ предъ взорами враговъ.
 „Пусть макъ съ травой ароматной
 „Ростутъ могилы вокругъ моей.
 „А ты, сынъ сѣвера, надъ ней
 „Шуми прохладою пріятной“.

Умолкнулъ, но долго и сами собой
 Прелестной гармоніей струны звучали,
 И медленно въ полѣ исчезъ гласъ печали.
 Армицъ, внѣ себя, съ наклоненной главою,
 Безмолвенъ сидѣлъ среди толпы изумленной, —
 Но вдругъ, какъ отъ долгаго сна пробужденный:
 — „О Скальдъ! что за пѣснь? что за сладостный гласъ?“
 Всклидалъ онъ: „какая волшебная сила

„Мнѣ нѣжныя чувства незапно внушила?
 „Онъ пѣлъ — и во мнѣ гнѣвъ ужасный погасъ.
 „Онъ пѣлъ — и жестокое сердце потрясъ.
 „Онъ пѣлъ — и его сладкозвучное пѣнье,
 „Казалось, мою утолило печаль.
 „О Скальдъ!.. о Эльморъ мой... нѣтъ. Мщение, мщение!
 „Убійца! возьми смертоносную сталь..
 „Низвергни олтарь... пусть родные Эгила
 „Счастливыѣ будутъ, чѣмъ горькій отецъ.
 „Иди. Ты свободенъ, волшебный пѣвецъ“.
 И съ радостнымъ воплемъ толпа повторила:
 „Свободенъ пѣвецъ“. Благодарный Эгилъ
 Десницу Армина слезами омылъ
 И предъ благодѣтелемъ палъ умиленный.

Эгилъ возвратился на берегъ родной,
 Куда съ нетерпѣньемъ, подъ кровлей смиренной,
 Ждала его мать съ молодою сестрой.
 Унылый, терзаемый памятью злою,
 Онъ проклялъ свой мечъ и сокрылъ подъ скалою.
 Когда же, задумчивъ, вечерней порой,
 Пѣвецъ любовался волненіемъ моря,
 Унылая тѣнь молодого Эльмора
 Являлась ему на туманныхъ брегахъ.
 Но лишь на востокѣ краснѣла Аврора,
 Сей призракъ, какъ сонъ, исчезалъ въ облакахъ.

К о н е ц ъ .

Поэма Веневитинова печатается нами съ его подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ его біографа и издателя его сочиненій А. П. Пятковского, который пользовался матеріалами, переданными ему родными поэта. Она занимает особую тетрадку въ семь листковъ, форматомъ въ четвертку. Текстъ, бѣловой, съ немногочисленными карандашными и чернильными поправками, занимаетъ страницы 3—14; на первомъ листкѣ титульная страница, на которой написано: „Освобожденіе Скальда. Скандинавская повѣсть“; на 3-ей стр.: „Освобожденіе Эгила. Скандинавская повѣсть“.

По содержанію, по формѣ стиха, еще неумѣлаго, но уже кое-гдѣ сверкающаго блесками таланта, „Освобожденіе Скальда“ принадлежитъ къ ранней молодости Д. В. Веневитинова, созрѣвашаго рано и умершаго въ юности (1805—1827 гг.). Отъ поэмы

вѣтъ полудѣтской наивностью, и вообще она есть одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ эпохи литературной чувствительности, самымъ сильнымъ проводникомъ которой былъ въ Россіи Оссіанъ съ его меланхолическими богатырями, мечтательными пѣвцами, нѣжными дѣвами, со всѣмъ этимъ своеобразнымъ поэтическимъ міромъ, который,

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
 Настриваетъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
 Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...

(Н. М. Карамзинъ, „Поэзія“).

Между „Освобожденіемъ Скальда“ и другимъ „оссіановскимъ“ стихотвореніемъ Веневитинова, „Пѣснь Кольмы“, написаннымъ въ 1822 г., разница во всѣхъ отношеніяхъ такъ ощутительна, что мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ поэмѣ къ 1819—1820 гг., когда Веневитинову было 14 или 15 лѣтъ. Онъ, какъ и Пушкинъ-лицейскій, какъ почти всѣ современные поэты, принесъ свою дань тогдашнему властителю поэтическихъ думъ, но что несомнѣнно характерно для Веневитинова — это побѣда пѣвца надъ ожесточенными сердцами. Недаромъ писалъ онъ въ расцвѣтъ таланта:

О муза! я позналъ твое очарованье!
 Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ,
 Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:
 Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ!..

Н. Лернеръ.

